

Д.Н. Овсяннико-Куликовский

**История русской
интеллигенции**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.Н. Овсянко-Куликовский**
История русской интеллигенции: Часть 2 / Д.Н. Овсянко-Куликовский – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 366 с.

ISBN 978-5-517-95446-6

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1907 года

ISBN 978-5-517-95446-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

мляющая сила силлогизма!) и отдалъ тому господину все, что у него было: жену и дѣтей, и самого себя, и вдобавокъ остался даже очень доволенъ собою“. — „Эти слова, — замѣчаетъ К. К. Арсеньевъ, — направлены, очевидно, не противъ „Логики“ Зубовскаго, а противъ модной, по тогдашнему времени, крѣпостнической логики“. (К. К. Арсеньевъ. „Салтыковъ - Щедринъ“. С.-Петербург. 1906, изд. „Свѣточа“, стр. 7).

Другимъ литературнымъ фактомъ того-же рода, что и „Антонъ Горемыка“, но произведшимъ въ свое время впечатлѣніе, хотя не столь сильное, зато гораздо болѣе глубокое и прочное, были первые очерки изъ „Записокъ Охотника“ Тургенева. Они появились въ „смѣси“ „Современника“ 1847 — 1848 г.г. („Хорь и Калинычъ“, „Ермолай и Мельничиха“ и др.). Огромное художественное достоинство, а равно и соответственное общественное значеніе этихъ очерковъ не сразу были замѣчены. Но вскорѣ критика и публика почувствовали ихъ силу. Въ нихъ впервые въ русской литературѣ были выведены психологическіе типы крестьянъ, и было показано, что эти типы, по своему внутреннему достоинству, отнюдь не уступятъ типамъ верхнихъ слоевъ, что „мужикъ“ — прежде всего человекъ, и при томъ — вовсе не обиженный природой и часто проявляющій незаурядныя качества ума и сердца. При этомъ эти типы отнюдь не идеализированы, — они дышатъ глубокой психологической и жизненной правдой. „Записки Охотника“ вызвали въ читателяхъ не только чувство состраданія и жалости къ мужику, но главнымъ образомъ — что, пожалуй, было еще важнѣе — чувство уваженія къ нему, какъ человеку. И самъ собою напрашивался выводъ: если мужикъ — такой же человекъ, какъ и „мы“, а не какая-нибудь низшая порода, если нельзя не уважать его, то крѣпостное состояніе, безправіе крестьянъ, торгъ ими — это величайшее беззаконіе и безобразіе, не только общественное и юридиче-

ское, но и моральное, — и оно должно быть упразднено. — „Записки Охотника“ вызвали въ свое время сочувственный отзывъ Бѣлинскаго (въ „Современникѣ“) и К. Аксакова (въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1847 года).

Ободренный успѣхомъ, Тургеневъ продолжалъ писать эти очерки, стараясь, насколько это было возможно, отгнать безобразіе крѣпостничества. Въ 1852 г. они вышли отдѣльной книгой, въ исправленномъ видѣ и съ восполненіемъ того, что было выброшено или искажено цензурой въ журналѣ. Книга имѣла огромный успѣхъ, и ея вліяніе на широкіе круги читающей публики было въ высокой степени плодотворно. Въ выработкѣ и установленіи общественнаго мнѣнія по вопросу о крѣпостномъ правѣ „Записки Охотника“ сыграли выдающуюся роль. Когда, въ 1879 г., оксфордскій университетъ почтилъ Тургенева дипломомъ доктора „обычнаго права“, — онъ имѣлъ въ виду именно заслуги Тургенева, какъ писателя, содѣйствовавшаго „Записками Охотника“ упраздненію крѣпостнаго права въ Россіи ¹⁾.

Послѣ смерти Императора Николая Павловича и окончанія Крымской кампаніи наступилъ, наконецъ, поворотъ во внутренней политикѣ. Прекращалась тяжелая реакція, сковавшая русскую жизнь на цѣлые 7 лѣтъ (1848—1855), начинались либеральныя вѣянія первыхъ лѣтъ царствованія Александра II, подготовлялась великая реформа, упразднившая крѣпостное право. Цензура, конечно, не была отмѣнена, но она стала гораздо снисходительнѣе. Литература оживилась.

¹⁾ О „Зап. Охот.“ см. прекрасный трудъ г. Грузинскаго (въ „Научномъ Словѣ“, 1903 г., кн. VII).

Вскорѣ явилась возможность писать и о крѣпостномъ правѣ и обсуждать въ печати проекты реформы. Возникла „обличительная“ литѣратура, направленная противъ старыхъ порядковъ, жестокихъ нравовъ, лихоимства и всѣхъ насилій и пережитковъ прошлаго.

Подъ перомъ Щедрина это направленіе превратилось въ художественную, глубоко-захватывающую сатиру.

Въ поэзіи Некрасова зазвучали мощные аккорды „гражданской скорби“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались и тѣ настроенія, изъ которыхъ позже выдѣлились народничество и радикальный демократизмъ разныхъ оттѣнковъ.

Въ XII-ой и XIII-ой главахъ первой части нашего труда мы отмѣтили выраженіе этихъ настроеній въ поэзіи Некрасова. Теперь прослѣдимъ ихъ въ ранней сатирѣ Салтыкова.

ГЛАВА I.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ) въ 50—60-хъ г.г.

1.

Обращаясь къ разсмотрѣнію перваго періода дѣятельности нашего великаго сатирика, мы въ этой главѣ остановимся преимущественно на его отношеніяхъ къ народу. Подобно Некрасову, и Салтыковъ въ 50-хъ годахъ отдавалъ дань народничеству, не чуждому нѣкотораго сентиментализма и отправлявшемуся отъ извѣстной идеализаціи мужика. Ноты умиленія и смиренія, которыя мы находимъ въ поэзіи Некрасова 50-хъ годовъ¹⁾, звучатъ и въ ранней сатирѣ Щедрина—въ „Губернскихъ очеркахъ“, появленіе которыхъ было крупнымъ событіемъ въ развитіи нашей общественной мысли. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій народническихъ идей сатирика справедливо признается очеркъ „Богомольцы, спутники и проѣзжіе“ („Полное собраніе сочиненій М. Е. Салтыкова“, С.-Петербур., 1900, т. I, стр. 238 и сл.). — Сатирическія стрѣлы направлены здѣсь не на народъ, а на другіе классы. Напротивъ, изображеніе народныхъ типовъ согрѣто горячею любовью къ простому человеку и проникнуто чувствомъ уваженія къ крестьянской массѣ, въ которой сатирикъ открыто признаетъ наличность

¹⁾ См. ч. I, гл. XII.

положительныхъ качествъ, не достающихъ другимъ — верхнимъ—слоямъ. Онъ говоритъ: „Я вообще чрезвычайно люблю нашъ прекрасный народъ и съ уваженіемъ смотрю на свѣжіе и благодущные типы, которыми кишитъ ¹⁾ народная масса“ (стр. 243). Услышавъ, какъ одинъ мужичекъ сказать другому, что взяли въ солдаты его Матюшу, который „былъ добрый парень, робилъ непрекословно, да и въ некруты непрекословно пошелъ“, — Щедринъ рисуеъ картину, живо напоминающую — по настроенію и точкѣ зрѣнія — соответственныя мѣста у Некрасова: „Воображенію моему вдругъ представляется этотъ славный, смиренный парень Матюша, не то чтобъ веселый, а скорѣй боязливый, трудолюбивый и честный. Я вижу его за сохой, бодраго и сильнаго... вижу его дома, безропотно исполняющаго всякую домашнюю нужду; вижу въ церкви Божьей, стоящаго скромно и истово знаменующагося крестнымъ знаменіемъ...“ (стр. 245).— Выпкая во внутренній міръ мужика, Щедринъ, подобно Некрасову, умиляется передъ его наивною и глубокою вѣрою, передъ чистотою его религіознаго чувства. Онъ говоритъ: „И вся эта толпа пришла сюда (на богомолье) съ чистымъ сердцемъ, храня, во всей ея непорочности, душевную лепту, которую она обѣщала повергнуть къ пречестному и достохвальному образу Божьяго угодника. Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого неудержимаго стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простаго человѣка. На меня вѣетъ невѣдомою свѣжестью и благоуханіемъ, когда до слуха моего долетаетъ все то же тоскливое голошеніе убогихъ нищихъ...“ (246). Очерки „Отставной солдатъ Пименовъ“ (тамъ же, стр. 255—267) и „Паньковна“ (267—273) рисуютъ духовный складъ крестьянина

¹⁾ Курсивъ мой.

въ архаическомъ, но въ высокой степени привлекательномъ видѣ. Михайловскій въ извѣстной статьѣ „Щедринъ“, цитируя нѣкоторыя мѣста изъ этихъ очерковъ, отмѣчаетъ между прочимъ то, что они написаны въ народномъ стилѣ, эпическимъ складомъ. Щедринъ здѣсь не говоритъ о народѣ отъ своего имени, а заставляетъ самый народъ говорить о себѣ и за себя. — Самое отношеніе Салтыкова къ народу въ то время Михайловскій склоненъ назвать „безсознательнымъ“, поясняя это такъ: „Чиновничество и помѣщики сразу отдѣлились для него въ особую отъ собственно народа группу. И немудрено: онъ видѣлъ крѣпостное право и крымскую войну. Но затѣмъ онъ безхитростно и правдиво рассказывалъ видѣнное и слышанное имъ въ народной средѣ, не теоретизировалъ ни въ какомъ направленіи, не пытался анализировать ни свои чувства, ни предметъ, ихъ возбуждавшій. Онъ просто любовался поэтической цѣльностью вѣры какого-нибудь отставного солдата Пименова и другихъ богомольцевъ и странниковъ, или отчаянною и опять-таки поэтической удалью героя „Развеселаго житья“¹⁾. Это любованіе осложнилось лишь скорбью о томъ гнетѣ, подъ тяжестью котораго изнываетъ народъ...“ („Соч. Н. К. Михайловскаго“, С.-Пет., 1897, т. V, стр. 174). — Можетъ быть, отношеніе Салтыкова къ народу въ то время лучше было бы назвать не „безсознательнымъ“, а только „непосредственнымъ“; сознательное сочувствіе народнымъ массамъ, вообще демократическое направленіе мысли установилось у Салтыкова еще въ 40-хъ годахъ, подъ разнообразными вліяніями умственныхъ теченій эпохи, въ ряду которыхъ видная роль принадлежала идеямъ такъ называемыхъ утопистовъ, глав. обр.—Фурье²⁾. Но независимо отъ этого у Салтыкова живо про-

1) Изъ „Невинныхъ рассказовъ“, относится къ 1859 г.

2) Вліяніе утопистовъ на Салтыкова прекрасно выяснено В. П. Крайнихфельдомъ въ его, къ сожалѣнію, неоконченномъ изслѣдованіи „М. Е. Салтыковъ (Н. Щедринъ)“ („Міръ Божій“, 1904 г.). См.

являлась, такъ сказать, стихійная, прирожденная любовь къ русскому (точнѣе великорусскому) народу, — такая же, какъ у Некрасова. Обои́мъ писателямъ былъ по сердцу русскій мужикъ, въ отноше́ннн къ которому у нихъ не было никакихъ классовыхъ предубѣжденій. Салтыковъ, конечно, желалъ всѣхъ благъ всѣмъ народамъ, но къ русскому народу у него было, по выраженію Михайловскаго, „безотчетное тяготѣніе“, сила котораго простиралась на весь бытъ и духовный складъ крестьянина, на „всю его, можетъ быть, очень убогую физическую и нравственную обстановку, весь тотъ хотя бы очень унылый пейзажъ, среди котораго онъ проводитъ свою жизнь“ („Соч. Н. К. Михайловскаго“, т. V, стр. 170).— И Михайловскій цитируетъ одно мѣсто изъ „Губернскихъ очерковъ“, гдѣ Щедринъ говоритъ, что любитъ нашу „бѣдную природу, можетъ быть, потому, что, какова она ни есть, она все-таки принадлежитъ мнѣ...“ и т. д. Михайловскій указываетъ также на то, что это живое чувство къ родному, къ русской природѣ и русскому народу осталось у Щедрина на всю жизнь, и, подтверждая это ссылками на позднѣйшія произведенія сатирика („За рубежомъ“), заключаетъ такъ: „это — совершенно непосредственная любовь, не поддающаяся логическому анализу, потому что Салтыковъ былъ настоящій, коренной русскій человѣкъ, не происхожденіемъ только, а всѣмъ складомъ, и просто естественномъ тянулся туда, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ“ („Соч.“, т. V, стр. 171). Въ другомъ мѣстѣ статьи Михайлов-

главы IX и X („М. Б.“ 1904, іюнь, стр. 60 и сл.), гдѣ указано значеніе и размѣры движенія въ концѣ 40-хъ годовъ, извѣстнаго подъ именемъ „заговора идей“ и выразившагося всего ярче въ стремленіяхъ и настроеніи кружка Петрашевскаго. Салтыковъ былъ знакомъ лично съ Петрашевскимъ, посѣщалъ собранія кружка и усердно изучалъ литературу утопистовъ. Характеристикъ „утопизма“ Салтыкова посвящены главы XI и XII изслѣдованія г. Кранихфельда, къ которымъ, какъ и къ соответственнымъ страницамъ Михайловскаго, я и попрошу обратиться читателей, интересующихся этою стороною идеологіи великаго сатирика.

скій говорить, что „Салтыковъ былъ истинный патриотъ въ томъ высокомъ смыслѣ, который онъ самъ придавалъ этому слову“, что „онъ любилъ Россію въ качествѣ просто русскаго человѣка, съ молокомъ матери всосавшаго стихійную привязанность къ русскому облику и говору, къ русской пѣснѣ и сказкѣ, къ русскому нраву и обычаю“ (стр. 211—212).

Это и служило психологическимъ основаніемъ той народнической окраски, которою, несомнѣнно, отличался демократизмъ Салтыкова во второй половинѣ 50-хъ годовъ и еще въ началѣ 60-хъ. Сатирикъ, по самой натурѣ своей, сказался воспріимчивымъ къ народническому настроенію эпохи, сближаясь въ этомъ отношеніи не только съ направлениемъ Некрасова, но также и съ передовымъ славянофильствомъ, къ которому позже онъ относился такъ рѣзко-отрицательно. Могло быть и прямое вліяніе славянофильскихъ идей на него, на что указалъ В. П. Кранихфельдъ, цитируя слѣдующее мѣсто изъ письма Салтыкова къ И. В. Павлову: „Признаюсь, я сильно гну въ сторону славянофиловъ и нахожу, что въ наши дни трудно держаться иного направленія. Въ немъ одномъ есть нѣчто похожее на твердую почву, въ немъ одномъ есть залогъ здороваго развитія...“ и т. д. (В. П. Кранихфельдъ, „М. Е. Салтыковъ“, „Міръ Божій“, 1904, № 7, стр. 218). Письмо къ Павлову относится къ 1857 году, т.-е. къ одному изъ тѣхъ годовъ, когда славянофильство, по выраженію В. П. Кранихфельда, „привлекало къ себѣ всѣ симпатіи лучшихъ прогрессивнѣйшихъ элементовъ русскаго общества“. Вспомнимъ, что къ этому времени относятся сближеніе и оживленная переписка Тургенева съ Аксаковыми, работа Тургенева надъ „Дворянскимъ гнѣздомъ“ (о чемъ у насъ была рѣчь въ VII-ой главѣ I-ой части), сочувственные отзывы Чернышевскаго о славянофилахъ и др. признаки, указывавшіе на возможное соглашеніе между представителями двухъ партій, столь рѣзко расходившихся въ 40-хъ годахъ.

Впрочемъ, въ самой литературной дѣятельности Салтыкова это увлеченіе славянофильствомъ не получило сколько-нибудь яснаго выраженія. Народничество сатирика въ ту эпоху гораздо ближе подходило къ настроенію Некрасова, чѣмъ къ чистому славянофильству. Поэтъ и сатирикъ, можно сказать, шли рядомъ и въ ногу. Это совпаденіе тѣмъ знаменательнѣе, что оно отнюдь не основывалось на личныхъ связяхъ, которыя завязались позже. Салтыковъ печаталъ „Губернскіе очерки“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова, тогда либеральномъ, и большею частью жилъ въ провинціи. Сближеніе съ Некрасовымъ началось, повидимому, съ начала 60-хъ годовъ, когда Салтыковъ принялъ непосредственное участіе въ „Современникѣ“, гдѣ онъ, впрочемъ, печаталъ свои вещи (напр., изъ серіи „Невинныхъ разсказовъ“) и раньше. Любопытно отмѣтить и тотъ фактъ, что на первыхъ порахъ „Губернскіе очерки“ не понравились Некрасову. Въ письмѣ къ Тургеневу отъ 27 іюля 1857 г. поэтъ говоритъ, между прочимъ: „Въ литературѣ движеніе слабое... Геній эпохи—Щедринъ... Публика въ немъ видитъ нѣчто повыше Гоголя!“ (А. Н. Пыпинъ, „Н. А. Некрасовъ“, стр. 179). Извѣстенъ также отрицательный отзывъ Тургенева о ранней сатирѣ Салтыкова (въ письмѣ къ Колбасину отъ 8 марта 1857 года) ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе уже въ 6-ой книгѣ „Современника“ того же 1857 года появилась хвалебная статья Чернышевскаго о „Губ. очеркахъ“. Любопытно отмѣтить, что самъ Некрасовъ, цѣнившій тогда Салтыкова такъ низко, въ письмѣ къ Тургеневу отъ 30 іюня 1857 г. говоритъ: „Въ № 6 „Совр.“ Чернышевскій написалъ отличную статью по поводу Щедрина...“ (Пып., „Н. А. Некрасовъ“, стр. 173).

Отзывъ же Чернышевскаго гласитъ: „Губернскіе очерки“

¹⁾ О томъ, какъ оба, и Некрасовъ и Тургеневъ, вскорѣ перемѣнили свой взглядъ и оцѣнили талантъ Салтыкова по заслугамъ, см. у В. П. Краинихфельда („Миръ Б.“, № 4, стр. 9).